

Размножайтесь!..

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Телесериал «Есенин» на Первом канале вызывает какой-то патологический восторг, сопряженный, однако, с глухим раздражением.

Для многих у нас в стране именно Есенин был «наше всё». По крайней мере, в минувшем веке. Но это всё – такое странное. Пьяные дебоши, беспорядочная любовь, всяческие поэтические безобразия, бескупая слеза над своей пропащей жизнью – в этом Есенин гениален. Он вообще гениален, но в этом – особенно. Хотя бы с точки зрения читателя с вроде похожим жизненным опытом.

Да, Есенин загнал себя в довольно типичный русский гол. У кого нет знакомых или друзей, которые вот так же удалялись в разгул, в хронику, чтобы не решать жизненные проблемы? Но на самом деле читатель едва ли учитывал, что поздний разгул Есенина, скорее всего, был связан с очень серьезными, вовсе нерядовыми причинами. Во-первых, с тайными угрызениями нечистой совести, с невозможностью искупить ужасные богохульства «Инонии» и прочих мало читаемых, но крайне важных его произведений. Во-вторых, с крушением идеалов, проекта той же Инонии, с разочарованием в итогах обнадежившей когда-то революции. В-третьих, сломленность поэтически чуткой души обвалом натиском повсеместного зла – опять же в отсутствие помощи свыше, при невозможности исповеди и причастия. (Приходилось исповедоваться случайно читателю, нам с вами: «Не злодей я и не грабил лесом, Не расстреливал несчастных по темницам...».)

Не учитывают этого, пожалуй, и создатели сериала. Из него вообще ничего понять нельзя. Надорванная в 20-х годах душа поэта нам предьявлена очень поверхностно. Чем мается и мучится румяный – кровь с молоком – красавец? Отчего

ему не живется? Просто такой сумасброд, хулиганистый нахал и циник в жизни, недалекий паренек по части всяких там завиральных идей – вот каким показан нам Есенин. Может быть, актер Безруков срисовал его с веселого пейзажа своей нетрудной души. Но...

Это вообще страшная вещь: сыграть гения. Это практически невозможно, в сущности. Ведь тогда нужно самому открыть в себе гениальность. А где ее взять? Вспоминаю, как я раздосадован был образом Артюра Рембо в фильме Агнешки Холланд «Полное затмение». Красавчик Леонардо Ди Каприо предьявил нам этакого симпатичного парнишку, своего современника, прошедшего огни и воды сексуальной революции, знакомого с наркотиками, привыкшего безнаказанно задирать терпеливое западное общество... Но при чем тут настоящий Рембо с его мистической готовностью к острому риску? И при чем тут Есенин, человек далеко не простой, далеко не глупый, далеко не наивный, в жизни которого было преступление против Бога и было сомасштабное ему наказание? Есенин – трагическая фигура нашей литературы и нашей жизни.

Нерв сериала – охота на Есенина. Какие-то чекисты-не-

годяи идут по его следу, как злые псы. Даже «Черный человек» из великой одноименной поэмы Есенина истолкован в основном как некий злодей-человек, а не как глубинная ипостась автора, переродившегося и не узнающего теперь себя.

Зачем? Откуда? Кто им велел? Непонятно. Что-то такое, схваченное из голливудского кинофильма, где невинные жертвы убегают от хищных преследователей. Повод неважен. Смысл отсутствует. Но мне предлагается просто отождествить себя с гонимой жертвой.

Я бы и не против. Если бы это было не про исторического Есенина, а про выдуманного, скажем так, Пупкина. С Есениным же у меня более близкие, более нежные и более трудные отношения. И я хотел бы большей ясности.

И уж совсем тяжелый вопрос – смерть Есенина. Страшный вопрос. О нем так непросто говорить. И как можно этим спекулировать? Нам показан какой-то богобоязненный, благообразный господин, которого волнует самоубийство Есенина. Он хочет доказать, что его не было, а было – убийство. Он хочет отмыть имя Есенина, так нам сказано, от позорящего его подозрения в суициде. Или даже так: он хочет снять с Есенина тягчайший грех самоубийства. Или даже так: доказав факт убийства, основать на нем мысль о том, что смертью-то Есенин и искупил все свои нетяжкие грехи...

Боюсь, герой и авторы фильма берут на себя слишком много.

Я не знаю, по совести, был ли убит Есенин или он ушел из жизни сам. Хотя написанное кровью предсмертное стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» дает вроде бы достаточные основания не сомневаться в добровольности. Доподлинно известно, что это почерк Есенина и что он это написал (а значит, и сочинил). Ну не под диктовку же агента ГПУ!

Видите ли, в чем еще дело. Если Есенина убили, то это в мистерию его судьбы – просто случайность. Но если он ушел из жизни сам, тогда эта финальная точка дает нам глубоко трагическое и высокое переживание. В этом есть, иначе сказать, значительная логика. Есенин перестал себя узнавать. Перестал себя выносить. Он так низко рухнул, что не мог не воспринимать себя с содроганием, с брезгливостью даже. Об этом – «Черный человек». И он, наш драматически заблудший брат, собрался с последними силами, чтобы уехать в колыбель революции, которая его обманула, и там себя истребила.

Так нельзя поступать. Но такое случается в жизни. И когда такое случается, это нужно понять как неудачное по форме, но искреннее по сути покаяние. Как нечто, парадоксально дающее надежду на спасение.

Для разрядки. Или наоборот: переходя от души к расудку.

В наших телешоу, где еще обсуждают общественные проблемы, все меньше смысла. Проблемы фиксируют. Вопросы ставят. И даже ответы дают. Но ни одна проблема не решается. Воз и ныне там.

У Гордона, на Первом, судили и рядили, что же делать с демографическим коллапсом в современной России. Наш выдающийся демограф Анатолий Вишневский повторил свой трудный совет: нужно начать думать над оптимизацией неизбежной миграции в страну. Но эта идея никому не понравилась. Мигранты нам не нужны. Мы даже русскоязычных-то соотечественников из Средней Азии и Кавказа оказались не готовы принять. Нам не надобны, как выяснилось по факту, ни наши немцы, ни наши евреи. Чего уж тогда говорить о китайцах или тюрках?

Поэтому оппонент Вишневского, мало кому известный господин Элизаров, предложил свою альтернативу: рожать! Хочешь спасти страну – роди троих детей. Дело нехитрое. И даже какая-то милая дурочка на экране не исключила, что она это когда-нибудь сделает. Правда, под сильнейшим нажимом ведущего.

Должен сказать, что такая мысль не так уж чужда и людям весьма высокого полета. На днях я слышал от блестящего интеллектуала, патриарха годами Георгия Гачева, что наша национальная идея именно в том и состоит. Детей рожать. Племязавод какой-то.

Может быть, может быть. Пускай каждый примерит это на себя.

Но вот через пару вечеров случилась на ТВ передача «Культурная революция». И там участники даже не спорили (для спора нужно хоть в чем-то друг друга понимать), а обменивались мнениями о том, все ли у нас должны служить в армии.

Вообще-то для многих поголовная служба в армии – это тоже наша национальная идея. Идея фикс. Мне и самому в краткие минуты просветления так кажется, ведь мужчина должен пройти через испытание. Чтобы, собственно, из ребенка реально стать мужчиной.

Но сторонники службы в студии были в меньшинстве. А гораздо сильнее звучала мысль о невозможности отправлять мальчишек туда, где наплевать относятся к их жизни, где подавляют личность, где учат унижаться и унижать другого. И что тут возразишь? Уж не лучше ли, думаешь, тогда честный скаутинг, разворачиваемый в России моим замечательным однофамильцем, руководителем русских скаутов-навигаторов? Скаутинг как школа достоинства и гражданства.

Итак, одна модель понятна: рожать – и в армию. Другая в принципе тоже: потихоньку вымирать и кормить чужую армию. «Нужно, – пел бард, – что-то среднее. Да где же его взять?».

Евгений ЕРМОЛИН, профессор ЯГПУ.